

Социальная справедливость и ее миражи

М.Ф. ЧЕРНЫШ

В статье анализируется концепция России как сословного общества, выдвинутая в предыдущей статье С.Г. Кордонского, Д.К. Деханта, О.А. Моляренко «Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования». В ней рассмотрено понятие «сословности» так, как оно сложилось в социологии, представлены структурные, институциональные и социо-психологические условия, обуславливающие воспроизводство сословной структуры. Критическому анализу подвергнут эпистемологический статус теории сословного воспроизводства. В статье обсуждаются гипотеза о взаимосвязи между структурой общества и свойственными ему представлениями о социальной справедливости.

Ключевые слова: сословия, классы, социальная справедливость, социальная мобильность

В последнее десятилетие российские исследователи социальной структуры, неравенства и мобильности ведут активную концептуальную работу, надеясь на выходе получить модель российского общества, адекватную его нынешнему состоянию. Эксперименты подобного рода проводила Н.Е. Тихонова, применившая для своих расчетов идею ресурсного неравенства¹. Согласно предложенной в ее работах модели, население делится на социальные группы, соответственно объему ресурсов, находящихся в их распоряжении. Будучи позитивистской по своей природе, данная модель избегает говорить о причинах неравенства в ресурсах или порождаемых им социальных конфликтах, однако в некоторых точках, несмотря на объективизм, заданный в посылах, все же приближается к признанию российского общества классовым, то есть неприемлемо дискретным сразу в нескольких взаимосвязанных измерениях. Новые повороты обнаруживаются в последних трудах О.И. Шкаратана, приверженного сильной «культурной программе»². Выявить эмерджентные группы и охарактеризовать порождаемую ими структуру – вот стратегия, которая, полагает он, приведет исследователей к более глубокому пониманию сложившегося в обществе неравенства. При этом наследие классиков не отвергается полностью, а лишь модифицируется так, чтобы характеристики неравенства впитывали в себя не только сегодняшние противоречия, но и предзаданный историей

¹ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.

² Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

институциональный контекст – отношения, рожденные специфичной для России формой отношений власти и собственности. Новые моменты проявлены в работах В.И. Ильина, который рассматривает молодежь и свойственные ей формы дифференциации как структуру *in statu nascendi* как совокупность ограничений и стимулов, определяющих будущее³.

Далее других в попытках пересмотра самих оснований структурного анализа шагнул С.Г. Кордонский, призывающий рассмотреть российское общество главным образом как сословное. Идея рассматривать общество как совокупность статусов не является для него совершенно новой. Еще в конце 1980-х гг. прошлого столетия он опубликовал в сборнике «Постижение» статью, в которой представил собственное оригинальное видение советского общества [Кордонский 1989, с. 36–52]. В основании социального порядка советского типа лежала, полагал он, социально-учетная структура – система статусов, определяемых государством и формализованных в его законодательной базе. В той социальной иерархии, которая возникла в советский период, социальные группы формировались государственной волей, а процесс их производства и воспроизводства регулировался специфическими социальными институтами, ограничивающими свободу. К числу последних он причислял прописку, ограничивающую для советских граждан возможность свободно перемещаться по стране и селиться в тех местах, которые они сочли бы для себя подходящими. В подобной системе структура и формы потребления определялись статусами, присваиваемые разным социальным образованиям, – городам, социальным группам, сообществам и, в конечном итоге, индивидам. Советское законодательство постоянно регламентировало поведение граждан и, что может быть еще более важно, стремилось, используя тотальный контроль над социальными институтами, воспитывать в них терпимость к подобным ограничениям. С одной стороны, советскому гражданину внушалась идея необходимости существующего порядка, с другой, на случай, если он недостаточно уверовал в действенность налагаемых им ограничений, его подвергали наказанию в зависимости от тяжести совершаемого проступка.

В модели С.Г. Кордонского советское общество представало веберовской «железной клеткой», характеризующейся иерархичностью, репрессивностью и высокой степенью рационализации. В концепции «социальной учетности» подчеркивалась кафкианская, безличная природа советской системы, подавлявшей и ограничившей всякую свободу, индивидуальность и творчество. Однако, как и любая интеллектуальная конструкция, она, подчиняясь собственной логике, существенно расходилась с социальной реальностью. Советское общество в последние два десятилетия его существования при всех ограничениях, ему, безусловно, свойственных, отличалось высокими темпами мобильности. Любые внешние ограничители, имеющие в основании статусные различия, могли быть эффективной сдерживающей силой лишь в том случае, если были легитимны, если принимались большинством населения как законные и приемлемые. Если же статус рассматривался только как очередная бессмысленная препона, воздвигаемая чрезмерно бюрократизированным государством, то актер находил варианты ее преодоления. Прописка сдерживала потоки горизонтальной мобильности, но лишь до определенного предела, за которым миграция в большие города или столицы могла при-

³ Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структура повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007.

нимать неконтролируемые масштабы. Если бы это было не так, население Москвы не увеличилось с 1969 г. по 1989 г. почти в два с половиной раза [Население Москвы... 1992]. Социологическое исследование населения города, проведенное в 1994 г., показало, что 60% населения столицы – это москвичи в первом или втором поколении⁴. По мере «взросления» социальной структуры все более закрытой, ориентированной на воспроизводство становилась образованная страта населения. И здесь ограничения или препятствия, поставленные на пути представителей образованных семей, такие как процентные нормы для выходцев из разных социальных «классов», не могли остановить тех, кто искренне хотел и был готов получить высшее образование. Статусные характеристики менялись в том случае, если желающий поступить в ВУЗ имел за плечами службу в армии или не менее двух лет работал на промышленном предприятии. Замышлявшаяся как *affirmative action*, политика содействия рабочим и крестьянам в получении образования обернулась лазейкой для попадания в ВУЗы выходцев из образованного слоя. Нельзя не согласиться с ранними работами С.Г. Кордонского: социально-учетная система работала, однако ее ограничители становились все менее убедительными.

Расхождения между моделью и реальностями советского общества заставляют вынести на обсуждение принципиальный методологический вопрос о точности моделей описания социальной структуры. Этот вопрос в немалой степени занимал Э.О. Райта, одного из современных интерпретаторов марксистской теории. Ключевой вопрос для любого адепта классового анализа мог бы звучать следующим образом: действительно ли история человечества – это история борьбы классов и можно ли всерьез сводить суть современного капитализма к антагонизму между буржуазией и пролетариатом. Для Райта ключевым показателем условности марксистской формулы была важнейшая из работ самого К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [Маркс 1957]. В ней Маркс представляет социальную структуру как поле, в котором действуют со разной степенью успешности множество социальных акторов. Выясняется, что в определенных ситуациях буржуазия вовсе не являет собой консолидированный агрегат, готовый противостоять революционной силе. Напротив, она раскалывается на отдельные сообщества, консолидируемые разными, порой противоположными интересами. Банкиры могут находиться в жестком противоречии с владельцами производственных активов: финансовый капитал жаждет максимальных прибылей, которые находит за пределами страны, производители, напротив, озабочены, прежде всего, проблемами собственных предприятий и болезненно реагируют на утечку капитала. Точно также, расколотым на фрагменты оказывается и рабочий класс, готовый в определенных обстоятельствах идти на компромисс с консервативными силами и снижать свои требования до уровня создания так называемых рабочих касс. В агенты социальных изменений, по Марксу, входят не только хрестоматийные, «базовые» классы общества, но и группы, возникающие *ad hoc*, под влиянием новых обстоятельств. В частности, в какой-то момент движущей силой изменений может стать пестрая маргинальная группа, особым интересом которой является получение сиюминутным материальных преимуществ. Иными словами, общая схема находится под вопросом, если соотнести ее с конкретной социальной ситуацией, ее ключевыми игроками и характерными для них образами будущего.

⁴ Исследование проведено в 1994 г. Институтом социологии РАН на базе случайной выборки телефонных номеров в г. Москве. Размер выборки составил 1003 респондента.

Применительно к математике Эйнштейн определил проблему следующим образом: «В той мере, в которой законы математики относятся к реальности, они неопределенны; и в той мере, в какой они определены, они не относятся к реальности» [Outhwaite 1987, p. 48]. Райт отлично понимал, что дистанция между «реализмом» и «ситуационизмом», заставляет более точно определить эпистемологический статус общей теоретической схемы. Изначально в трудах самого Маркса теория должна была обозначить общее направление исторического прогресса, в то время как классовый анализ конкретной общественной ситуации должен был указать на варианты политического участия, стать основанием для политических программ партий, участвующих в борьбе за власть. Очевидно, что такое разделение труда вряд ли возможно в современных обстоятельствах, в которых марксистское видение будущего оказалось фальсифицированным самой историей.

Представления о классовой борьбе как о движущей силе истории себя не оправдали, а капитализм выжил, несмотря на все заклинания о его неизбежной кончине. Райт выходит из положения, прибегая к метафоре: общая схема соотносится с конкретной ситуацией как формула воды с той водой, которую мы наблюдаем в природе. Действительно, нигде в природе мы не наблюдаем H_2O , повсюду реальная вода – это жидкость, в той или иной степени загрязненная разнообразными примесями. Однако мы пользуемся формулой воды, потому что она нам необходима для исследовательских целей, для того чтобы строить теории и ставить эксперименты. «В научном исследовании химического состава озерной воды высший уровень абстракции предполагает уточнение особой комбинации, в которой базовые элементы – водород и кислород – соединяются вместе, чтобы возникла вода. Исследования различных форм воды – льда, жидкости, пара – будет находиться на этом общем уровне абстракции. Средний уровень абстракции состоит в анализе формационных образований, заключающийся в том, чтобы изучить то, как это вещество взаимодействует с другими веществами в озере. И, наконец, «гипотетический» уровень предполагает изучение мириады факторов, способных влиять на состав воды – азотных соединений, которые смыываются в озеро с обрабатываемых полей, химических отходов, которые сбрасываются в озеро фабриками и заводами и так далее. Это дает нам возможность понять, чем конкретное озеро химически отличается от любых других озер, имеющих временные и пространственные характеристики» [Wright 1985, p. 12].

Таким образом, выживание общей схемы напрямую связано, во-первых, с существованием иных уровней абстракции, позволяющих снизить уровень анализа до конкретной ситуации, а во-вторых, с неизбежной экспериментальной фазой, в которой устанавливается, действительно ли свойства объекта таковы, какими они заданы в общей схеме, и определяется дистанция между общей схемой и «конкретной водой в озере» – текущей социально-политической ситуацией. Важное условие воспроизводства названной схемы заключено в ее логической consistency, в сохранении ею ключевых показателей, фигурирующих в теории. В противном случае, общая схема подвисает в воздухе, теряет опору в исследовательских практиках, превращаясь в лучшем случае в идеологический концепт, а в худшем – в индивидуальные верования относительно природы существующего социального порядка. Райт предлагает выход из положения: согласованность уровней социального анализа должна привести к коррекции общей схемы. Необходимо вести исследования, чтобы понять, почему марксистская телеология, претендующая на научность, оказалось опровергнутой историей, и какие изменения общей схемы

должны быть произведены для того, чтобы повысить ее консистентность. Можно по-разному относиться к варианту классового анализа, представляемому Райтом. Однако нельзя не видеть, что общая логика его рассуждений укладывается в русло позитивной социологии, отвечает ее главному требованию быть согласованной на всех уровнях, включая уровень онтический, предметный, соотносимый с повседневной жизнью тех, кого теория определяет своим исследовательским объектом.

Эти обстоятельства нельзя не учитывать, рассматривая новейшую концепцию С.Г. Кордонского и его коллег, объявляющих российское общество сословным. Авторы определяют сословие – как группу сформированную государством⁵. При ближайшем рассмотрении оно выглядит более чем туманным. Во-первых, не совсем ясно, что подразумевается под «формированием». В некоторых случаях государство действительно «формирует» социальные группы, например, осуществляет призыв, в соответствии с которым некоторое число молодых людей на некоторое время поступает в распоряжение его вооруженных сил. В ином случае «формирование» происходит не напрямую, а опосредованно, за счет государственного финансирования некоторых отраслей экономики – образования, науки, здравоохранения. В третьем случае государство использует ограничения (например, прописку), которые также способны влиять на процессы инклюзии или эксклюзии и, следовательно, на процессы воспроизводства и формирования больших социальных групп. Любое государство – такова его природа – способно существенно влиять на социальную структуру общества, но означает ли это, что любая группа, возникающая как результат государственной политики или под влиянием государства, немедленно становится сословием? Во-вторых, в статье ничего не сказано о том, как используемое в ней, ключевое понятие «сословие» соотносится с его традиционным пониманием. Если никак, если в контексте статьи «сословие» – это всего лишь метафорическое отнесение к архаике статистических систем, то неизбежно возникает вопрос: а не стоило ли во избежание герменевтической путаницы положить в основу приводимой в статье схемы какое-то другое, возможно, новое понятие, менее обремененное социологической традицией (социально-учетные группы)?

Сословие – одна из категорий, которые детально разрабатывали классики социологии. Ф. Теннис рассматривался сословия как «коллективности» – социальные группы, образуемые общими традициями, интересами и видениями будущего. Они соединяются общим мировоззрением, но разделяемые группой ценности не всегда становятся основанием для общего действия. Во многих случаях «коллективность» базируется на молчаливом консенсусе, который может иметь, а может и не иметь практического измерения. «Коллективности» могут, по Теннису, иметь экономические, политические и «интеллектуально-моральные основания». Сословия, как и классы, укоренены в экономическом измерении, хотя, как полагал Теннис, они, в отличие от классов, базируются не на контракте, а «интеллектуально-моральном» взаимодополнении. Как только сословие вступает в конфликт с другим сословием или иной социальной группой, оно превращается в класс. Но как только оно обретает характеристики класса, оно распадается, потому что, как и класс, вовлекается в потоки социальной мобильности: «Классы в большей степени, чем сословия определены условиями той среды, в которой они существуют. Эта среда, как правило, остается без изменений на протяжении многих поколений. Однако процесс социального развития делает эту среду более изменчивой и заставляет

⁵ «Мир России». 2012. № 2, с. 63

индивидов или целые семьи совершать мобильность в более высокий или более низкий классы. Из этого следует, что чем больше сословие походит на класс, тем быстрее оно распадается, тем выше мобильность входящих в него индивидов» [Toennies 1966, p. 13]. Отличительная характеристика сословия – это общее сознание, предполагающее особый тип гордости (чести): «Осознание своего статуса является характерной чертой правящих сословий, находящей выражение в разных социальных формах. Честь – это наиболее значимый аспект сословного сознания, заключенный в повышенных претензиях на влияние, власть, любви к прекрасному, тяге к украшательству. В некоторых мелочных обстоятельствах обладание честью превращается в тщеславие» [Toennies 1966, p. 13]. Обладание честью имеет следствием то, что правящие сословия в большей степени, чем иные социальные группы настаивают на необходимости следовать определенным правилам жизни и принимать некоторые ограничения свобод. Теннис отмечал, что эти ограничения включают в себя матримониальное поведение: супруг должен был принадлежать к тому же сословию, что и сам индивид.

Для М. Вебера сословия – это, прежде всего, статусные группы, составлявшие основу структурного деления европейских обществ в средневековую эпоху. Он, как и Теннис, полагал, что существование сословий обусловлено воспроизводством особых статусных культур. Высшие сословия, как правило, объединяются вокруг понятия «чести»: нарушение общепринятых представлений о «чести» в подобных обществах чревато для представителя правящих сословий серьезным репутационным ущербом. С точки зрения Вебера, сословия могут воспроизводить себя в аграрных обществах, характеризующихся низким уровнем развития товарно-денежных отношений, они ослабевают, а затем разрушаются в процессе урбанизации, становления рынков и рационализации общественных отношений. Вот как он описывал эволюцию сословий в Китае на этапе перехода от древней сословной системы к современному государству: «Все, что осталось от этой почти кастовой системы до наших дней, это – жалкие остатки структуры когда-то существовавших сословий. Практический смысл сохранения подобия данной системы состоял в том, чтобы освободить привилегированные сословия (*literati*, «большие семьи» или «сто семей» – термин, который использовался в империи для обозначения образованной страты) от государственной трудовой повинности и телесного наказания. На их место пришли денежные штрафы и тюремное заключение. Стала возможной деградация до «плебейского» статуса. Старая система сословий, базировавшаяся на наследуемой харизме, была подорвана уже тогда, когда вступила в силу классификация по признаку обладания собственностью, введенной в оборот исключительно в фискальных целях» [Weber 1998, p. 328]. Согласно Веберу, общество неизбежно преодолевает сословную систему в том случае, когда «символически» маркирует социальные различия, становящиеся все более для него важными, когда рациональность замещает собой харизму. Таким образом, по мере вхождения в современность общество утрачивает сословную структуру, не полностью, разумеется, но в значительной степени, оставляя сословиям право гордиться родословной и пестовать «клубную» эксклюзивность по отношению к другим, более динамичным слоям.

Т. Маршалл, изучавший социальную структуру в ее соотношении с принципом гражданства, делал акцент на юридических условиях воспроизводства сословных структур [Marshall 1973]. В любой системе, где возможно их существование, сословия обладают законодательно закрепленными правами и обязанностями, приви-

легиями и повинностями. Имеющиеся у них права признаются судебной системой государства и всеми другими институтами власти. В случае, если права индивида, входящего в то или иное сословие, нарушаются, он имеет право отстоять их в суде. Легальный аспект существования сословий важный, но не единственный: принадлежность к сословию является «публичной офертой». Сословные границы признаются легитимными, а это означает, что права и привилегии одних сословий признаются другими. Как только сословность утрачивает публичное признание, она перестает существовать: сословная структура не может выживать в ситуации, когда ее отвергает большая часть населения.

Это соображение позволяет избежать смешивания собственно сословности и архаических форм статусных различий, способных сохраняться на протяжении многих лет и даже десятилетий после революционных изменений. В России сословная система была отменена декретом советской власти от 17 ноября 1917 года. Тем не менее пережитки сословности сохранялись вплоть до второй половины XX в. и выражались в особом, закрепленном на уровне закона статусе отдельных социальных групп. Можно с известной долей условности говорить о том, что так называемая «трехчленная» концепция социальной структуры работала по принципу «самосбывающейся» статусной реальности.

Объявленный «авангардом развитого социализма» рабочий класс получал благодаря ей целый ряд преимуществ – облегченный прием в партию, привилегии при поступлении в ВУЗ, карьерные привилегии в том случае, если рабочий мыслил категориями продвижения к более высоким социальным позициям. В государственной пропаганде часто звучали рассуждения о «рабочей» чести, а также о «знатности» в рядах рабочих и крестьян. «Знатными», то есть на старый лад «благородными», становились представители трудящихся классов, демонстрирующих в труде высокие показатели. Понятие «знатности», привилегированности подвергалось в подобном случае сознательному профанированию. Оно явным образом противопоставляло советскую меритократическую систему российскому обществу дореволюционной эпохи, где отличительной характеристикой знати была праздность, сознательное избегание ручного труда. Рабочая «знать», тем не менее, получала вполне осязаемые конкурентные преимущества по сравнению с другими слоями населения и, прежде всего, по сравнению с «интеллигенцией», на которую советское государство поглядывало с недоверием. Другой пример «знатности» из недавней отечественной истории, – это умаление прав некоторых классов и слоев, оцениваемых властью как «реакционные». Цифры разнятся, но по меньшей мере 5% населения СССР в тридцатые годы прошлого столетия относилась к категории «лишенцев», то есть принадлежала к социальным группам, лишенным некоторых важных гражданских прав и возможности делать карьеру в советских управленческих иерархиях.

И все же ни названные группы, ни даже партийная «номенклатура» не могут рассматриваться как доказательство сохранения в российском обществе сословной структуры в традиционном ее понимании. Упомянутые неравенства оценивались властями и населением как временная мера, как политика, имевшая в основании эгалитарный посыл. Есть все основания считать, что в постреволюционной России пережитки сословности имели ограниченную легитимность и могли существовать лишь до той поры, пока население признавало те рациональные аргументы, которые власть выдвигала в их пользу. В большинстве случаев «знатность» не была аскрибированным свойством индивида, не присваивалась ему уже по факту рож-

дения и не имела пожизненных гарантий. Она была одним из итоговых состояний социальной мобильности, результатом конкуренции с другими возможными претендентами на социальную позицию. В советское время «знатность» была динамической характеристикой: индивид, вошедший в ряды «знатных», мог в некоторых обстоятельствах утратить прежние привилегии и уважение в обществе. Подобный исход не рассматривался населением как нечто чрезвычайное, как нарушение самих оснований общественной жизни. Постоянными были статусы «ветерана войны» или «ветерана труда», но вряд ли у кого-нибудь хватит смелости утверждать, что «ветераны» являли собой в советское время особое сословие. Символические ресурсы, на которые, как правило, опирались подобные статусы («герои революции», «ветераны войны», «стахановцы») становились все менее актуальными по мере того, как удалялись в прошлое «сакральные» даты – славные победы и подвиги, прославляющие социалистическое государство. Но самое главное: статусные различия, если и давали некоторые преимущества их носителям, то уж точно не в той мере и не так, как это было в дореволюционные «сословные» времена.

Итак, резюмируя «классический» взгляд на сословия, необходимо остановиться на следующих ключевых характеристиках данного социального феномена.

Первое. Сословия рождаются сочетанием экономических интересов и статуса.

Второе. Сословия культивируют специфические формы сознания, базирующиеся на определенном типе идентификации и признании себя носителем «чести».

Третье. Сословия отличают ригидность, функциональное взаимодополнение и низкая мобильность.

Четвертое. Статусность воспроизводится не только благодаря юридической норме, но и в немалой степени благодаря символическому ресурсу общественного признания. Как только данный ресурс перестает работать, как только действие становится целерациональным, сословность уходит в прошлое, уступая место другим формам социальной структуризации.

Можно спорить, в какой степени элементы сословности присутствуют в современном российском обществе. В большинстве случаев российская сословность носит эпатажирующий декларативный характер и сводится к «оживлению» дворянских титулов, которые после 70 лет советской власти не воспринимаются всерьез не только обществом в целом, но и, надо думать, тем, кто на них претендует. Изредка (реже, чем в восточноевропейских странах) в России раздаются безнадежные призывы к реституции – возвращению владений, собственности, которые, якобы, должны отойти по наследству прямым потомкам некогда репрессированных дворян, казаков, купцов, кулаков. Весь дискурс сословности вращается вокруг вполне современных проблем распределения и перераспределения земельных и прочих активов, находящихся в собственности или под контролем государства.

На этом фоне тем более удивительны выдвигаемые в последней статье С.Г. Кордонского, Д.К. Деханта, О.А. Моляренко попытки ввести сословный дискурс в рамки обсуждения проблем социальной справедливости, укорененного в модерне и свойственной ей эгалитарной традиции. Сложный, нюансированный спор о социальной справедливости статья намеренно сводит к противостоянию так называемых уравнительной и дистрибутивной справедливостей, заявленных еще Аристотелем. Авторы упоминают в сносках некоторые важные работы, посвященные данной теме, но по существу ни одна из них в концептуальной схеме, выстраиваемой в статье, не учитывается.

Не принята во внимание точка Д. Ролза, ставшая для одной части философов и социологов хрестоматийной, а для другой – точкой отсчета в критике либеральных концепций общества. В упрощенном варианте теорию Ролза можно свести к иерархии принципов, диктующих представления о справедливости в обществе модерна⁶. Гражданин, лишенный предзаданного знания о своих способностях, талантах или других преимуществах, будет рассматривать справедливость как установление нижнего порога социальной мобильности на тот случай, если сам он в силу игры безликих рыночных сил окажется на самой низкой ступеньке стратификационной лестницы. В этом случае главным для него будет справедливость как *fairness*, как установление определенных правил, ограничивающих игру свободных сил, способных до бесконечности «растягивать» стратификационную лестницу. Даже оказавшись в нижних слоях общества, индивид должен иметь возможность пользоваться в полном объеме гражданскими правами, которые полагаются всем остальным его членам. Он заинтересован в том, чтобы даже в этой ситуации для него по-прежнему работал принцип равенства возможностей, который, в свою очередь, господствует над принципом равенства, предполагающим активные интервенции государства и общества в пользу наименее успешных граждан, в пользу тех, кто находится в неблагоприятной ситуации и самостоятельно выбраться из нее не может. Подобные представления о социальной справедливости уместны в развитом рыночном обществе европейского типа: *fairness* нуждается в социальном государстве, которое, с одной стороны, обеспечит равные права богатым и бедным, а с другой процедурно не даст социальным различиям «застыть», трансформируясь в различия культур.

В социалистическом государстве работали те же три принципа социальной справедливости, но расположенные в ином порядке. На раннем этапе жизни СССР верхнюю позицию в иерархии занимал принцип равенства. Трудящим классам система обещала социальное равенство за счет перераспределения общественных благ в пользу неимущих и эксплуатируемых. На ранних этапах жизни советского государства эта система воплощалась в жизнь благодаря продразверсткам, продналогам, изъятиям, конфискациям, контролем над ценами. В дальнейшем представления о справедливости эволюционировали в сторону признания приоритетным принципа равенства возможностей. А далее в 1990-е гг. лейтмотивом государственной пропаганды стали права сильных и успешных, присвоивших активы в ходе приватизации. В современной России обсуждение проблем справедливости не имеет сколько-нибудь серьезного влияния на социальную политику, последняя крайне слаба и по признанию специалистов неадекватна тем вызовам, с которыми сталкивается современное российское общество.

Либеральная позиция по проблеме справедливости сводится по большей части к призывам сохранить существующую систему распределения в неприкосновенности в расчете на то, что постепенная эволюция рыночных институтов восстановит в правах принцип равенства возможностей, а далее и принцип равенства. Наряду с либеральной позицией в российском дискурсе о справедливости присутствует левая трактовка, в соответствии с которой справедливость состоит не только в обеспечении принципа свободы, но и фактическом сокращении разрыва между бедными и богатыми за счет пересмотра, хотя бы частичного, итогов приватизации.

⁶ Ролз Д. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Однако наиболее влиятельной является позиция, которую с известной долей условности можно охарактеризовать как социал-демократическую: социальная справедливость – это реальное равенство возможностей, обеспечиваемое всей мощью государства, достигаемое за счет современных способов перераспределения таких, как прогрессивное налогообложение. Благодаря ему осуществляется поддержка эквализирующих функций жизненно важных институтов – образования и здравоохранения. Данные исследований и, в частности, данные проекта «Социальные различия в современной России» свидетельствуют о том, что большинство россиян поддерживают проект будущего, предполагающий создание обширного среднего класса, воспроизводящегося благодаря государственным программам развития – обновления инфраструктуры, поддержку науки, культуры, средней и высшей школы⁷. В этой позиции нет ничего такого, что свидетельствовало бы об архаическом состоянии российского социума, о его патологической приверженности идеям радикальной уравниловки. Речь идет о фактической реализации принципов, которые давно воплощены в управленческих практиках европейских государств, таких как Германия, Франция, скандинавские страны.

В теоретическом плане противоречие между уравнительностью или распределением давно стало предметом острых дискуссий. В социологии оно больше известно, как противоречие между процедурной справедливостью (меритократией) и справедливостью как результатом социальной конкуренции. Отмечено, что меритократия, справедливость процедуры, находится в ряду важнейших ценностей и принципов жизни общества в эпоху модерна. Казалось бы, достаточно обеспечить равенство возможностей и проблема решена, равные условия, равные правила дают возможность любому гражданину реализовать его притязания в той мере, в которой он того заслуживает.

Чтобы понять, как может оказаться несправедливым этот, казалось бы, безупречный принцип, достаточно провести простейший эксперимент. Представим себе, что в рыцарском турнире приглашают участвовать всех желающих – и детей крестьян, и детей, воспитывавшихся в сословии военных, с детства приготавливаемых к ратной службе. Нетрудно предсказать результаты подобного турнира. В большинстве своем победителями окажутся будущие солдаты, сыновьям крестьян же будет уготована роль мальчишек для битвы. И это при том, что процедурное равенство, меритократический принцип соблюдаются в полной мере, а побеждают те, кто того заслуживает, – сильнейшие, наиболее квалифицированные участники. Но может ли общество удовлетвориться подобными итогами, действительно ли соблюдаются в подобном случае принципы справедливости? Если принять итоги турнира, то вместе с ними следует признать необходимым и достаточным простое воспроизводство существующей социальной структуры и свойственных ей форм неравенства. Последствием этого станет структурное «окостенение»: младшие братья побитых на турнире крестьянских сыновей вряд ли захотят подставлять себя в следующих состязаниях. Победители, раз за разом подтверждающие свое превосходство над менее компетентными соперниками, придут к выводу о природности, естественности подобного результата и сделают шаги к тому, чтобы закрепить его законодательно. В свою очередь, битые крестьяне осознают неизбежность своего социального поражения и примут утвержденную «меритократией» форму господ-

⁷ Исследование проводилось сектором социальной мобильности Института социологии РАН в 1998 и 2007 гг. на базе общероссийской случайной стратифицированной выборки объемом в 2508 и 2100 респондентов соответственно.

ства как неизбежный исход противостояния высшим, поднаторевшим в военной науке социальным слоям.

Таким образом, не только дистрибутивный принцип, но и принцип достижительский могут вести к закреплению социальной структуры, к образованию в ней устойчивых форм неравенства в привязке к конкретным биографиям. В крайних формах «меритократия», не смягченная другими принципами равенства, обернется социальной закрытостью, статусностью, перерастающей в сословность. На эту опасность указывал в полемике с Кингсли Дэвисом и Уильбером Муром их «немезис» Майкл Тумин: социальная стратификация, воспроизводимая посредством наследования семейных ресурсов – материальных, социальных, символических, – являет собой противоположность декларируемых принципов меритократического отбора. В ней нет встроенных механизмов поиска талантливых отпрысков в низших сословиях, но зато есть потенциал для закрепления статус кво в уже существующих институтах [Tumin 1966, p. 53–59].

Одна из ключевых задач, которую должно решать современное общество, может быть сформулирована следующим образом: сделать так, чтобы принцип меритократии работал на уравнивание жизненных шансов. И здесь, как оказывается, не обойтись без применения принципа дистрибутивной справедливости – третьим среди приоритетов, заявленных Ролзом. Для того чтобы уравнивать жизненные возможности всех участников социальных конкуренции, необходимо, хотя бы временно, освободить ребенка от влияния семьи, открыть для него широкие возможности получения знаний, «заразить» его ценностями творчества и интеллектуального достижения. Эту задачу невозможно решить без развитой системы образования, эффективного здравоохранения, без сильной социальной политики, предполагающей эмансипацию низших социальных страт.

Примеры подобной политики мы наблюдаем в тех странах, где большинство населения признает свободу гражданина и социальную конкуренцию священными и незыблемыми основаниями жизни. В США это, к примеру, политика «басинга» – принудительного распределения детей по школам, реализованная в 60–70-е гг. прошлого столетия в южных штатах, а также недавняя реформа здравоохранения, предусматривающая медицинское страхование для малообеспеченных слоев населения. В Великобритании идея перераспределения реализована в общей, бесплатной системе образования и бесплатном здравоохранении. Список можно было бы продолжить за счет многочисленных примеров редистрибутивных мер, направленных на улучшение образования и здравоохранения в других европейских странах. Однако из сказанного достаточно понятно, что разумное сочетание свободы, меритократии и равенства – это осевой тренд большинства наиболее успешных стран. Логично предположить, что соотношение между свободой, меритократией и перераспределением в значительной степени зависят от того, в каком состоянии находится общество, насколько оно в целом благополучно, а также от того, насколько велик разрыв между наиболее благополучными слоями и медианой душевого дохода. Чем менее благополучно общество в целом, чем глубже в нем разрыв между бедными и богатыми, собственниками и наемными работниками, тем выше социальная напряженность и, соответственно, острее ставится вопрос о перераспределении.

В любом нетоталитарном обществе сосуществуют и конфликтуют друг с другом разные представления о социальной справедливости. В этой связи возникает еще один важный методологический вопрос, на который в статье С.Г. Кордонско-

го и его коллег нет адекватного ответа: можно ли рассматривать представления о социальной справедливости как перформативные по отношению к социальной структуре, к процессам рождения и воспроизводства больших социальных групп? Положительный ответ на данный вопрос должен был бы опираться на наследие М. Вебера, рассматривавшего этические комплексы как важную предпосылку для понимания природы общества. Представления о социальной справедливости могли бы сыграть по отношению к социальной структуре консервативную роль, если бы имели монический характер и рассматривались населением как сакральный закон, данный свыше, подлежащий беспрекословному выполнению. Однако в современном секулярном обществе, к числу которых относится и Россия, представления о социальной справедливости, во-первых, не имеют монического характера, а во-вторых, тесно связаны с той социальной позицией, которую индивид занимает в социальной структуре. Речь не идет о классической марксистской схеме, в соответствии с которой социальное бытие напрямую детерминирует групповое сознание. Применительно к социальной справедливости можно говорить о статистическом влиянии, о взаимосвязи между социальными интересами и представлениями о необходимости изменений в существующей системе распределений. Необходимо принимать во внимание и то, что на ценности о социальной справедливости влияет помимо всего прочего и глобальный контекст, красноречивые примеры «гуманных» обществ, в которых удалось найти «золотую середину», позволяющую обществам, с одной стороны, оставаться свободными, а с другой, – проводить сильную социальную политику в интересах большинства населения.

Итак, если подвести итог, то необходимо признать, что в статье С.Г. Кордонского и его коллег рассматриваются важные вопросы, относящиеся к сразу нескольким направлениям социологических исследований. Статья побуждает к дальнейшим размышлениям о методологической валидности социальной теории, природе неравенства в современном российском обществе, границах, в которых общество может изменяться в эпоху перемен, социальной справедливости и влиянии представлений о ней на общественное сознание. Если кому-то статья покажется слишком пессимистичной, то это по тому, что в ней отражен в интеллектуальной форме ресентимент тех, кто начинал реформы, и кого не устраивает то направление, в котором идет в настоящее время российское общество. Однако критический дух, культивируемый статьей, сам по себе является залогом неопределенности будущего, множественности вариантов, в которых он может открыться будущим поколениям.

Литература

- Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структуризация повседневности общества потребления (2007). СПб.: Интерсоцис.
- Кордонский С.Г. (1989) Социальная структура и механизм торможения / Постигение. М.: Прогресс.
- Маркс К. (1957) Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее (1992). М.: Издательство МГУ.
- Ролз Д. (2010) Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ.
- Тихонова Н.Е. (2007) Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН.

- Шкарман О.И.* (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Marshall T.H.* (1973) *Class, Citizenship, and Social Development*. A collection of essays. Westport: Greenwood Press.
- Outhwaite W.* (1987) *Laws and Explanations in Sociology // Classic Disputes in Sociology / R.J. Anderson, J.A. Hughes, W.W. Sharrock (eds.)*. London: Alien & Unwin.
- Toennies F.* (1966) *Estates and Classes / Classes, Status, Power. Social Stratification in Comparative Perspective*. Second Edition. Ed. By Reinhard Bendix and Seymour Lipset. N.Y.: The Free Press.
- Tumin M.* (1966) *Some Principles of Stratification: A Critical Analysis/ Classes, Status, Power. Social Stratification in Comparative Perspective*. Second Edition. Ed. By Reinhard Bendix and Seymour Lipset. N.Y.: The Free Press.
- Weber M.* (1998) *Selections in Translation. Economic and Social History*. Ed. By W. Runciman. Cambridge University Press.
- Wright E.* (1985) *Classes*. London: Verso Books.